

*Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу!*

Сказано весомо, емко и глубоко. Действительно, это так. Добавлю только одно: и страна без Бога – не страна, а так, географическое пространство. Пустое.

Литература

1. Кулешов В.И. Русская литература XIX века и христианство. – М.: МГУ, 1997.
2. Ильин И.А. Одинокий художник. – М., 1993.

Гоголюк Юлиан Евгеньевич, протоиерей
кандидат богословия, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического
факультета имени митрополита Московского и Коломенского
Макария (Булгакова) НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)

ЭКЗЕГЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ВЕРА» В РАННИЙ ПЕРИОД ВЕТХОЗАВЕТНОЙ ИСТОРИИ

В рассказе о сотворении первых людей и их грехопадении мы не найдем упоминания о вере. Нет там и исследуемого нами термина, который передает особые свойства ветхозаветной веры. Но можно предположить, что вера присутствовала в первых людях неявно, она еще не оформилась как религиозное отношение к Богу. «Начало веры современно началу человеческого рода. Действительно, первые люди в своем невинном состоянии могли воспринять и сохранить духовно-нравственный порядок, установленный для них Богом, только через непосредственную, искреннюю веру своему Творцу» [1, с. 308]. Известно, что человек носит в себе образ и подобие Божие, так что вера находится в самой природе Бога, а Бог является верным. Значит и человек, должен был обладать верой и отображать в себе эту природу.

Первые люди, как это становится ясным из библейского рассказа о грехопадении, стояли на распутье. Можно было верить Богу, полностью доверив Ему одному свое бытие, вручить себя в водительство Богу и следовать Его изначальному замыслу. А можно было не верить Ему и попытаться достичь обожения без Бога и даже наперекор Богу, добиваясь совершенства независимо от Него. И Адам, и Ева отвергли путь веры. Можно сказать, что роковую роль в событии их грехопадения сыграл именно недостаток веры. Ведь искушение обольстителя первых людей было направлено в первую очередь против веры Богу: «Подлинно ли сказал Бог?..» (Быт. 3,1). То есть Бог и его слова ставились под сомнение. Праматерь Ева, таким образом, – это первый пример, первая парадигма человеческого неверия Богу: вместо полного упования на Своего Творца и совершенного доверия только Ему одному, она поверила искусителю (Быт. 3,4-6).

Признаки, через которые видна вера первых людей в рассказе Быт. 3 весьма немногочисленны, но мы можем выделить «древо жизни», «древо познания добра и зла» и сам акт познания. Что касается термина «познать», то мы выяснили, что русское словоупотребление не соответствует библейскому еврейскому. «Познать» в Библии означает не интеллектуальный акт, а опытный, касающийся всего существа: вступить в опытный контакт, вместить в себя, вкусить. Поэтому говорится о плодах древа, которые можно вкусить или съесть» [2, с. 102].

«Добро и зло» является идиоматическим выражением. Словосочетаний, аналогичных выражению «добро и зло» в Библии можно найти много: «небо и земля», «плоть и кровь», «ложиться и вставать» (Пс. 3, 6), «садиться и вставать» (Пс. 138, 2) и т. д. Во всех этих выражениях соединены противоположности, с помощью которых передается состояние какой-либо полноты. Противоположности не исключают друг друга, а напротив передают внутреннюю целостность. Полноте всего мира соответствует небо и земля, полноте человека – плоть и кровь, полноте жизнедеятельности – примеры, приведенные из псалмов. Значит «добро и зло» тоже обозначают полноту, нечто цельное и

всеобъемлющее. Очевидно, что под этим выражением можно понимать полноту мудрости, опыта и блаженства или одним словом жизни.

Поэтому стремление познать «добро и зло» – это стремление вместить *всё*. Общение веры между Богом и людьми во время пребывания в Эдемском Саду происходит посредством послушания заповеди о не вкушении от древа познания добра и зла. Отношение между Богом и людьми можно представить как «*веру-завет*» [1, с. 312], который был выражен в словах: «И заповедал Господь Бог человеку...» (Быт. 2, 16). Ошибка человека состоит в нарушении верности Богу. Через акт познания люди вступили в опытный контакт с существом, противным Богу, тем самым прекратили Ему доверять.

Герхард фон Рад интерпретирует нашептывание змея как «возможность расширения человеческого существа за пределы поставленных ему Богом в творении границ (определенности). Это означает усиление жизни не только в смысле чисто познавательного обогащения, но и знакомства и овладения тайнами, лежащими по ту сторону человеческого» [3, с. 58]. Другими словами поступок первых людей – это «нарушение границ», измена завету с Богом.

После грехопадения «*вера-завет*» не была утрачена человеком, но напротив, вновь получила себе подтверждение, а затем и свое дальнейшее развитие, как в допотопный период, так и в период патриархов, достигнув кульминационной точки в подвиге веры Авраама.

В самый ранний период ветхозаветной истории мы встречаем описание особого состояния веры, сочетающейся со знанием Бога, понимаемым в терминах мышления-в-мире. В Священном Писании это состояние названо «*хождением перед Богом*». Праведный Енох (Быт. 5, 24), Ной (Быт. 6, 9), Авраам и Исаак (Быт. 48, 15) ходили перед Богом. Перед Богом ходили практически все патриархи, и поэтому «*хождение перед Богом*» можно назвать как служением патриархов, так и выражением их веры.

«*Хождение перед Богом*» есть отказ от путей мира, от путей собственной воли и неустанное взывание воли Божьей. «*Хождение перед Богом*» есть *призывание* Бога, ибо Бог призывается жизнью, которая в каждом мельчайшем своем проявлении должна сделаться Ему угодной. В Священном Писании не патриархи обращаются к Богу, но Бог обращается к патриархам. Бог обращается к Ною, Аврааму и Иакову, заключая с ними союзы и давая им обетования. Однако для того, чтобы Бог пожелал обратиться к человеку, человек должен привести все свое существо в состояние, способное воспринять божественное обращение.

Патриархи призывали Бога своей богоугодной жизнью, ибо в результате этой жизни они обретали способность слышать в себе голос Бога. В истории Сифа рассказывается, что в это время люди «*начали призывать имя Господа [Бога]*» (Быт. 4, 26).

Еврейское слово **kaw-raw** переводится словами «звать», «называть», но часто встречается в значении «призвать», «пригласить». Сначала Сам Бог обращается к человеку, ставя его перед выбором, уклониться от которого невозможно. «Обращаясь к людям и призывая их, Бог кладет конец молчанию, царившему между Ним и человечеством со времени грехопадения» [4]. Бог призывает к вере в Него, к общению с Ним, к служению Ему. Вера человека является ответом на обетования и повеления. Бог ждет от человека ответа. Перед тем как ответить, необходимо прислушаться к Нему, сам же ответ должен заключаться в послушании Ему. Учитывая напряженную полярность ветхозаветной веры можно сказать, что *призывание* человеком Бога – это и есть реакция на Его действия, выражающиеся в призыве, повелении и обетовании. В соответствии со всем сказанным можно этот отрывок интерпретировать и таким образом: «начали отвечать Богу, на Его призыв».

В таком опыте веры мы видим взаимную открытость Бога и человека, способность участвовать в динамике общения с Богом. Вот почему *призывание* Бога патриархами заключается в исполнении Его воли. Для того чтобы Бог смог начертать знаки своей воли в человеке, человек должен стать чистым листом, свободным от начертаний знаков своей

или чьей-либо посторонней воли. Это состояние готовности и чистоты с максимальной силой выразилось в словах Авраама, сказавшего в ответ на призвание Бога: «Вот я!» Вся сущность веры библейских патриархов заключена в этих словах. Говоря о состоянии религиозной веры в патриархальный период, невозможно оставить без внимания фигуру Авраама, величайшего образца веры для всех времен и народов, который за свою безграничную веру в Бога называется в Священном Писании «отцом верующих» (Рим. 4,11) и «другом Божиим» (2 Пар. 20,7; Ис. 41,8; Иак. 2,23).

Оппозицией ветхозаветной веры-доверия является самонадеянность, желание вопреки Божественной помощи и воле реализовать свои желания и стремления. Такая надменная самонадеянность не имеет ничего общего с подлинным доверием и является не чем иным, как самообольщением. Пребывая в нем, человек целиком утрачивает подлинное доверие, на котором как на основании всегда покоится доверие к верности Господа. Обезумевшая самонадеянность несет человеку гибель. Этому человеку противопоставляется «испытанный», представляющий в своей земной жизни истину Бога. Это человек, который, доверяя верному Богу, вверяется Ему: он обладает жизнью именно в своем доверии, охватывающем и определяющем всю его телесную жизнь. Он живет благодаря доверию. Он «будет жить», ибо он зависит от вечного живого Бога и тяготеет к Нему.

Литература

1. Кочетов И. С., прот. О состоянии веры во время невинности первых человек // Христианское чтение, 1832.
2. Сорокин А., Прот. Введение в Священное Писание Ветхого Завета. Курс лекций. СПб.: Церковь и культура, 2002.
3. Rad G. von, Old Testament Theology. v. I, N. Y., 1962.
4. Призвание // Библейский словарь Брокгауза. CD ROM edition. 2002.

Барвара Викторовна Каширина
д.ф.н., доцент ИМЛИ РАН
(Россия, г. Москва)

СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ КАК «КНИГА ЖИЗНИ»

Святитель Феофан Затворник называл чтение Священного Писания «духовной трапезой» [5, вып. 6, с. 68] и говорил о том, что «чтение Евангелия есть лучшее чтение» [5, вып. 3, с. 93].

Евангелие в переводе с греческого – «благовестие, благая весть». Уже две тысячи лет звучит проповедь о Спасителе мира, явленная человечеству через Богодухновенные книги Нового завета. В Евангелии Христос заповедал Своим ученикам: «*Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари*» (Мк. 16, 15). И ближайшие ученики Иисуса Христа по всему миру проповедовали учение о спасении, о воскресении, о христианских заповедях любви и милосердия.

Православную веру, укорененную в нашем народе, необходимо передать, прежде всего, нашим детям. Знакомство с Евангелием лучше начинать с самого раннего возраста, когда ребенок еще не умеет читать, но уже вошел в сознательный возраст. С этого времени в его памяти с помощью визуальных и словесных образов сможет хорошо запечатлеться евангельское учение, которое останется с ним на всю жизнь. Святой праведный Иоанн Кронштадтский вспоминал о том, как повлияло на него чтение Евангелия в детские годы. В беседе со своей ученицей настоятельницей Иоанно-Предтеченского Леушинского монастыря игуменией Таисией он вспоминал: «Знаешь ли, что прежде всего положило начало моему обращению к Богу и еще в детстве согрело мое сердце любовью к Нему? Это – святое Евангелие. У родителя моего было Евангелие на славянско-русском языке; любил я читать эту чудную книгу, когда приезжал домой на вакационное время, и слог ее и простота речи были доступны моему детскому разумению; читал и услаждался ею и находил в этом чтении высокое и незаменимое утешение. Это